

Это мрачная сказка. Страшная сказка.

Она из других времен, когда волки еще подстерегали девушек в лесах, чудовища бродили по коридорам зачарованных замков, а ведьмы выглядывали в окошки пряничных домиков с сахарными крышами.

Те времена прошли.

Но волки по-прежнему здесь и стали даже хитрее, чем раньше. Чудовища тоже никуда не девались. И смерть все так же любит прикинуться доброй.

Плохо той девушке, которая потеряет дорогу.

Еще хуже той, которая потеряет себя.

Помни: сходить с тропы опасно.

Но куда опаснее не сходить.

Пролог

Как-то раз и еще много раз в древнем городе на берегу моря трудились при свечах три сестры.

Первая была девой. Кудри цвета утренней зари свободно падали ей на спину. Нитка жемчуга, белого, как ее платье, обвивала шею. Тонкие пальцы сжимали золотые ножницы, которыми она резала на полосы тончайший пергамент.

Вторая, мать, сильная и обильная телом, носила малиновое платье. Рубины сверкали вокруг ее шеи. Заплетенные в косы рыжие волосы пламенели, как летний закат. В руке она держала серебряный компас.

А третья была старухой, согбенной и опытной. Она ходила в черном; кольцо из обсидиана с печаткой-черепом темнело на ее руке. Седые как лунь волосы она укладывала вокруг головы. И не выпускала пера из скрюченных, испачканных чернилами пальцев.

Глаза старухи, как и глаза двух ее сестер, были серыми, холодными и неумолимыми, словно море.

Вдруг ударил гром, и старуха, сидевшая за длинным деревянным столом у распахнутой настежь балконной двери, подняла голову от работы. Над городом бесновалась гроза. Струи дождя хлестали по крышам дворцов. Молнии раскалывали ночь. На каждой церковной колокольне били в набат.

— Вода поднимается, — сказала старуха. — В городе будет наводнение.

— Мы высоко. Воде до нас не добраться. Она нам не помешает, — отозвалась мать.

— Нам ничто не может помешать, — добавила дева.

Старуха прищурилась:

— Кроме него.

— Наши слуги бдительны, — сказала мать. — Он не войдет.

— Может быть, он уже здесь, — возразила старуха.

При этих словах мать и дева тоже подняли головы. Обе внимательно оглядели комнату, огромную и полутемную, словно пещера, но не увидели никого, кроме темных фигур в плащах с низко надвинутыми капюшонами: это слуги бесшумно сновали, занимаясь своим делом. Успокоенные, сестры вернулись к работе, но старуха не теряла бдительности.

Три сестры жили тем, что чертили карты, вот только покупателей на них никогда не находилось — товар был бесценным.

Каждая линия была безупречно прочерчена пером из крыла черного лебедя.

Пространства меж линиями заполняли чернила тончайших оттенков — смесь индиго, золота, толченого жемчуга и других вещей, раздобыть которые куда труднее.

Мерой каждой карты было не пространство, но время, ибо каждая заключала в себе человеческую жизнь.

— Розы, ром, разруха, — проворчала, принюхиваясь, старая карга. — Или вы не чувствуете? Чуете его?

— Это всего лишь ветер, — успокоила ее мать. — Доносит запахи города.

Продолжая ворчать, старуха обмакнула перо в чернильницу и поднесла его к пергаменту. Она вела линию чьей-то жизни, а рядом, на ветвях серебряного канделябра, дрожали огненные язычки свечей. Они отражались в блестящих глазах черного как уголь ворона, сидевшего на ка-

минной полке. У стены стояли напольные часы в футляре черного дерева. Маятник, подвесом которому служил человеческий череп, раскачивался влево и вправо, отмеряя секунды, часы, годы, жизни.

В плане комната напоминала паука. Рабочее пространство сестер в центре было его телом. От него в разные стороны тянулись проходы между шкафами — ноги. С балкона в комнату вели стеклянные двери, напротив них высились резные деревянные.

Карга закончила карту. Поднесла к свече палочку красного воска, нагрела, затем приложила к нижней части карты и поставила на красной кляксе оттиск своей печати. Когда печать застыла, она свернула карту, перевязала черной ленточкой и подала слуге. Тот скрылся в одном из проходов, чтобы положить карту на полку.

Тогда все и случилось.

Другой слуга, склонив голову, скользнул между старухой и распахнутой дверью за ее спиной. С балкона вошел порыв ветра, и в комнате остро запахло дымом и специями. Старуха раздула ноздри. И стремительно обернулась.

— Ты здесь! — воскликнула она, бросаясь к слуге, вцепилась в его капюшон похожей на клешню рукой. Капюшон упал, и все увидели юношу с янтарными глазами, смуглой кожей и длинными черными кудрями. — Схватите его! — прошипела старуха.

Дюжина слуг разом кинулась на него, но, пока они окружали юношу, новый порыв ветра задул все свечи. Двери закрыли, свечи зажгли заново, но пришлеца уже и след простыл, только плащ растекся на полу черной лужей.

Старуха взволнованными шагами мерила комнату, покрикивая на слуг. Те носились между шкафами в поисках незваного гостя, черные плащи развевались, точно крылья. Вдруг он выскочил откуда-то из-за полок, но тут же

затормозил, едва не наткнувшись на старуху. Метнулся к деревянной двери, рванул на себя ручку — заперто. Ругнувшись вполголоса, он обернулся к трем сестрам — лицо мгновенно осветилось улыбкой — и отвесил поклон.

Но сестер не тронула его красота. Одна за другой, они заговорили.

— Случай, — прошипела дева.

— Риск, — выплюнула мать.

— Азарт, — каркнула карга.

— Я предпочитаю «Шанс». Звучит приятнее, — ответил юноша и подмигнул.

— Давно ты не наносил нам визита, — сказала старуха.

— Да, надо бы почаще бывать у вас, — отозвался Шанс. — Всегда приятно навестить сестричек Судеб. Вы такие непосредственные, свободные и непредсказуемые. К вам идешь как на праздник. Да что там, как на вакханалию. Так. Здесь. Весело.

Из-за шкафов высыпали слуги, красные и запыхавшиеся. Шанс выхватил из ножен кинжал. Сверкнул клинок. Слуги попятились.

— Чью карту ты похитил на этот раз? — спросила старуха. — Кто молит тебя о содействии? Полководец? Императрица?

Не опуская кинжала, Шанс свободной рукой вытянул из-под плаща карту. Зубами развязал ленточку и встряхнул пергамент. Свиток развернулся, и Шанс показал его трем женщинам. Те пригляделись, и было видно, как их гнев уступает место недоумению.

— Я вижу дом под названием Мезон-Дулёр¹ в деревне Сен-Мишель², — сказала старуха.

¹ Maison Douleur — дом скорби (*фр.*).

² Saint-Michel — святой Михаил (*фр.*), считающийся покровителем Франции. По преданию, являлся Жанне д'Арк и помогал ей в освобождении страны. Орден Святого Михаила стал первым французским орденом.

— Там живет... — подхватила матрона.
 — Одна девушка. Изабель де ла Поме¹, — закончила старуха.

— А кто это? — спросила дева.

— И вся эта суэта из-за простой девчонки? — спросила карга, пристально глядя на Шанса. — Она же никто, ничего из себя не представляет. Ни красоты, ни ума. Зато себялюбивая. И злая. На что она тебе?

— Она — это вызов для меня, а я не могу оставить вызов без ответа, — сказал Шанс. Прижав пергамент к груди, он ловко скатал его одной рукой и сунул под плащ. — И потом, какая девушка устоит перед тем, что я ей предложу? — Он ткнул себя в грудь с таким видом, словно не переставал дивиться собственной неотразимости. — Я дам ей возможность изменить путь, начертанный для нее судьбой. И шанс проложить свой собственный.

— Глупец, — сказала старуха. — Ты ничего не понимаешь в смертных. Мы, Судьбы, прокладываем для них путь потому, что они сами этого хотят. Смертные не терпят неопределенности. Не любят новизны. Все новое пугает. Причиняет боль.

— Новизна — это как поцелуй во мраке. Роза в снегу. Неведомая дорога в темной ночи, — возразил Шанс.

— Мрак скрывает чудовищ. Снег убивает цветы. А на неведомых дорогах без вести пропадают девушки, — парировала карга.

Но Шанс не отступал. Сунув кинжал в ножны, он вытянул вперед руку. На ладони, точно по волшебству, сверкнула золотая монета.

— Предлагаю пари, — сказал он.

— Не искушай меня, — громыхнула Судьба, и ярость затмила ее лицо, словно туча.

¹ Рауме — изгой (фр.).

Шанс подбросил монету. Судьба поймала ее в воздухе и со звоном швырнула на стол.

Гроза разразилась.

— Думаешь, этот жалкий золотой кругляш стоит того, что ты выпустил на волю? — взревела она. — Война опустошает Францию. Смерть пожиная невиданный урожай. Королевство трещит по всем швам. И все из-за тебя!

Улыбка Шанса померкла. Но уже через пару секунд к нему возвратился огневой задор.

— Я все поправлю. Клянусь.

— Чем — картой девчонки?

— Когда-то она была смелой. И доброй.

— Твоя голова так же пуста, как твои обещания, — сказала Судьба. — Разверни карту. Посмотри внимательно. И ты увидишь, что ее ждет.

Шанс так и сделал. Проследил по пергаменту путь девушки. И охнул, увидев его конец... царапины, кляксы, даже какие-то зарубки. Он поднял глаза на старуху:

— Такой конец... это же не... этого не может быть...

— Ты все еще думаешь, что сможешь его изменить? — насмешливо спросила Судьба.

Шанс вскинул голову и шагнул к ней:

— Хорошо, я повышаю ставку. Если я проиграю это пари, то навеки лишусь права переступить порог вашего палатца.

— А если проиграю я?

— Ты оставишь мне карту этой девушки. И позволишь ей самой творить свою судьбу.

— Такая ставка мне не подходит, — сказала Судьба.

Она взмахнула рукой, и по ее знаку слуги, которые давно уже потихоньку окружали Шанса, бросились на него. Кое у кого в руках сверкнули кинжалы. У Шанса не было шансов. По крайней мере, так казалось.

— Тебе не удастся скрыться. Верни мне карту, — сказала старуха и протянула руку.

— Надежда остается всегда, — сказал Шанс и сунул карту за пазуху.

Сделав пару пружинистых шагов, он подпрыгнул, закрутил в воздухе сальто и вырвался из кольца слуг, пролетев прямо у них над головами. С точностью кошки приземлился обеими ногами на стол и побежал. На другом конце он соскочил и припустил к балкону.

— Вот ты и попался, мошенник! — каркнула ему вслед старуха. — Здесь третий этаж! Куда ты денешься? Через канал сиганешь? На это даже твоей удачи не хватит!

Шанс уже распахнул балконную дверь и вспрыгнул на перила. Дождь кончился, но мрамор влажно блестел у него под ногами. Шанс качнулся. Замолотил руками по воздуху. И когда уже казалось, что падения не миновать, он все же поймал равновесие, стоя на носках.

— Карту. Живо, — потребовала карга.

Она уже вышла на балкон и приближалась к Шансу. За ней шли сестры.

Шанс оглянулся на Судеб. И прыгнул. Старуха ахнула. Поспешив к перилам, она уставилась вниз, в бурные воды канала. Сестры последовали за ней.

Женщины ожидали увидеть, как он борется со стихией. Но ничего подобного. Привольно раскинувшись, Шанс проплывал под ними на навесе какой-то гондолы. Ее, правда, раскачивало из стороны в сторону, но Шанса это нисколько не смущало.

— Гребь, мой друг, гребь! — крикнул он гондольеру. Тот подчинился. И они поплыли дальше.

Шанс сел и устремил на Судеб пронзительный взгляд сверкающих глаз.

— Придется принять мою ставку! У тебя нет выбора! — крикнул он.

Гондола все уменьшалась, удаляясь. Еще миг, и она скрылась за поворотом.

— Плохо дело, — мрачно сказала старуха. — Нельзя позволять смертным самим вершить свою судьбу. Это чревато катастрофой.

Матрона и дева вернулись в комнату, а за ними и карга.

— Соберите сундук, — бросила она слугам. — Положите перья и чернила... — Ее пальцы заскользили по бутылочкам на столе. И остановились на одной, черной как уголь. — «Страх», да. «Зависть», пожалуй, тоже, — добавила она, протягивая руку за второй, ядовито-зеленой.

— Куда ты? — спросила ее дева.

— В деревню Сен-Мишель, — отвечала старуха.

— Чтобы не дать Шансу найти девчонку? — догадалась мать.

Мрачная улыбка скользнула по лицу старухи.

— Нет, это не в моей власти. Но я поступлю так, как обычно поступаем мы, Судьбы. Я помешаю девчонке ухватить шанс.

Глава 1

В кухне большого дома сидела девушка с ножом в руке. Звали ее Изабель. Она была некрасива.

Лезвие ножа она держала в пламени кухонного очага, чтобы прокалить его. За спиной девушки на стуле полулежала ее сестра, Октавия.

Лицо Октавии было бледным как смерть. Глаза закрыты. Чулок на правой ступне, когда-то белый, теперь покраснел от крови. Адели, старая нянька двух сестер, стянула его с ноги и ахнула. У Октавии не было пятки. На ее месте зияла безобразная рана, из которой капала кровь, собираясь в лужу на полу. Октавия, как ни старалась, не смогла сдержать стон.

— Тише, Тави! — прикрикнула на нее Маман. — Принц услышит! Если ты упустила свой шанс, не отнимай его у сестры.

Маман приходилась матерью обеим девицам. Она стояла у раковины и смывала кровь с хрустальной туфельки.

Принц приехал к ним в поисках хозяйки этой туфельки. Три дня назад на костюмированном балу он всю ночь протанцевал с прекрасной девушкой, в которую влюбился, но едва пробило полночь, красотка сбежала, обронив по дороге хрустальную туфельку. И тогда он поклялся, что женится на той девушке, которой туфелька придется в пору. Только на ней, и ни на ком больше.

Маман решила, что этой девушкой будет ее дочь — не одна, так другая. Принца и его свиту она встретила в пе-

редней и, опустившись в низком реверансе, попросила, чтобы ее дочерям, Изабель и Октавии, позволили примерить туфельку приватно, снисходя к их девичьей скромности. Принц согласился. Великий герцог двумя руками протянул ей бархатную подушку. Маман, также двумя руками, сняла с нее туфельку и понесла в кухню. Дочери последовали за ней.

— Зря мы не прокалили лезвие для Тави, — беспокоилась теперь мать. — И почему мы не догадались? Горячий металл прижигает мелкие сосуды. И крови меньше. Ну ладно. Зато тебе, Изабель, будет легче.

Изабель сглотнула.

— Но, Маман, как же я буду ходить? — тихо спросила она.

— Глупышка! Ты будешь ездить. В золотой карете. А слуги будут на руках вносить тебя в нее и выносить наружу.

Пламя лизало серебристое лезвие, которое покраснело от жара. Глаза Изабель расширились от страха. У нее мелькнула мысль о жеребце, которого она когда-то любила и потеряла.

— Но, Маман, как же я буду скакать по лесам галопом?

— Настала пора отложить детские забавы, — сказала Маман, обсушивая туфельку. — Я разорилась в поисках женихов для тебя и твоей сестры. Нарядные платья и драгоценности стоили мне целого состояния. Хорошо выйти замуж — вот цель любой девушки, а какая партия может быть лучше, чем брак с наследником французского престола?

— Я не смогу, — прошептала Изабель. — У меня не получится.

Маман поставила туфельку, шагнула к очагу, обхватила лицо дочери обеими ладонями и повернула его к себе:

— Слушай меня, девочка, и слушай внимательно. Любовь — это боль. Любовь — это страдание. И чем скорее ты это усвоишь, тем лучше для тебя.

Изабель зажмурилась. Помотала головой.

Маман выпустила ее лицо. Помолчала. Когда она заговорила снова, ее голос звучал холодно, но слова обжигали, точно кипяток.

— Ты некрасивая, Изабель. Лицо у тебя простое. Круглое, как клетка. Колченогий сын школьного учителя и тот не захотел взять тебя в жены. А сейчас по ту сторону кухонной двери тебя ждет принц, Изабель, — настоящий принц, — и чтобы выйти за него замуж, тебе нужно лишь отрезать себе несколько пальцев. Не на руке, заметь, на ноге, всего пару бесполезных пальцев...

Стыд в умелых руках Маман был как кинжал в руках наемного убийцы — он поражал жертву прямо в сердце. Вот и теперь она победит; она всегда побеждает. Изабель это знала. Разве ей впервой кромсать себя по требованию Маман? Сначала она отрезала от себя ту часть, которая слишком громко смеялась. Потом ту, которая галопом носилась по полям и перескакивала через изгороди. И ту, которая за столом всегда хотела добавки, просила соуса побольше, кусок пирога потолще, тоже пришлось отрезать.

«Если я выйду замуж за принца, то стану принцессой, — думала Изабель. — А когда-нибудь — королевой. И тогда никто не посмеет назвать меня некрасивой».

И она открыла глаза.

— Вот умница. Ну же, смелее. И не тьяни, — сказала Маман. — Режь по суставам.

Изабель вынула из пламени нож.

Усилием воли она прогнала из головы все прочие мысли.

Глава 2

С мизинцем пришлось повозиться.

И неудивительно. Мелочи порой ранят особенно сильно — холодный взгляд, резкое слово, смех, который стихает, едва тыходишь в комнату.

— Ну же, давай, — торопила ее Маман. — Подумай о том, что мы получаем: ты — принца, а Тави, может быть, герцога. У нас будут собственные покои во дворце!

В голосе матери Изабель слышала отчаяние. Она знала, что портной отказал им в кредите и что мясник прислал мальчишку с кипой просроченных счетов. Крепче стиснув рукоятку ножа, она завершила начатое.

Боль ослепляла, запах паленой плоти и вид собственных пальцев, которые лежали теперь у очага, были столь омерзительны, что Изабель наверняка потеряла бы сознание, не подоспей Адели с нежными руками и словами утешения.

Принесли большой моток ваты. Свежий белый чулок. Бренди. И хрустальную туфельку.

Маман подала ей туфлю.

— Надевай. Живо, — сказала она.

Изабель взяла туфельку. Та оказалась тяжелой и холодной на ощупь. Сунув в нее ногу, она почувствовала, как боль, точно хищный зверек, тут же впиалась в нее острыми зубами. Жаркой волной она прокатилась по ее ноге вверх и охватила все тело: Изабель показалось, будто ее едят живьем. Кровь отхлынула от ее лица. Девушка

закрыла глаза и обеими руками вцепилась в подлокотники кресла.

И все же по первому требованию Маман Изабель поднялась с кресла. Открыла глаза, сделала глубокий вдох и встала на обе ноги.

Она смогла совершить немислимое потому, что у нее был особый дар, куда более ценный, чем смазливое личико или маленькие ножки.

У Изабель была сильная воля.

Она понятия не имела о том, как это хорошо для девушки — иметь сильную волю, ведь все вокруг твердили ей, что это ужасно. Говорили, что своевольную девицу ждет плохой конец. Что ей положено смирять свою волю перед теми, кто знает, что для нее хорошо, а что нет.

Изабель была еще очень молода, всего-то шестнадцать лет; и еще не успела понять, что ее окружают дураки.

Глава 3

Каждый шаг был мукой.

Одолевая коридор, который вел из кухни в переднюю, Изабель вздрогнула и остановилась. Она услышала тонкий, пронзительный вой. Неужели это она?

— Это Элла, — мрачно сказала Маман. — Поспеши, Изабель. Надо покончить с этим делом. Вдруг принц ее услышит?

Когда принц уже подъезжал к их дому, Изабель сама заперла Эллу на чердаке. Та плакала. Умоляла Изабель выпустить ее. Ей тоже хотелось взглянуть на принца. И примерить хрустальную туфельку.

— Не смей меня, — ответила ей тогда Изабель. — Ты ведь даже на балу не была. Только осрамишь нас своими лохмотьями.

Она поступила жестоко. И поняла это сразу, как только повернула в замке ключ. Но и это ее не остановило. Ее вообще уже ничто не могло остановить. «Господи, в кого я превратилась?» — спросила она себя, услышав новый приглушенный взрыв плача.

Маман внимательно смотрела на нее, так внимательно, что Изабель показалось, будто та видит ее насквозь.

— Поди, Изабель, выпусти ее, — сказала мать. — Принц только взглянет на нее и сразу влюбится, как все мужчины, которым она попадалась на глаза. Только реши сначала, чего ты хочешь — быть доброй или выйти замуж за принца?

Изабель попыталась найти ответ на этот вопрос, но не смогла. Маман всегда ставила ее перед таким выбором, который был ей по душе не больше, чем эта дурацкая туфелька — по ноге. Вдруг перед ее глазами встало воспоминание, картинка из далекого прошлого. Она, Тави и Элла играли под раскидистой старой липой у дома.

Во двор въехала карета. Из нее вышли двое мужчин — это были партнеры отца Эллы, отчима Тави и Изабель. Будучи людьми добродушными и хорошо воспитанными, они остановились поболтать с девочками, но то, что произошло тогда под липой, изменило всю жизнь трех сестер.

Изабель пожалела, что в прошлое нет дороги. Вот бы прекратить то, чему был дан ход в тот день, — но как, она не знала.

Да и вообще, слишком поздно.

«Кто настроил нас друг против друга, Элла? — подумала она. — Те люди? Маман? Или весь этот жестокий, бессердечный мир?»

Глава 4

— Переноси вес тела на пятку. Будет не так больно, — посоветовала Маман. — Ну, давай. Иди.

Несколькими щипками она вернула цвет щекам Изабель, и они вместе продолжили путь по коридору.

Принц, великий герцог и сопровождавшие их солдаты ждали ее в передней. Изабель знала: она должна одержать победу там, где не преуспела сестра.

Тави поначалу тоже всех обманула, но, когда она вышла из дома и пошла к экипажу принца, пятка начала кровоточить так сильно, что по земле потянулась цепочка карминно-красных следов.

Правда, всеобщее ликование было так велико, что их даже не заметили, но когда Тави поравнялась с экипажем, из кроны могучей липы выпорхнула белая голубка. Опустившись на плечо принца, она запела:

Кровь на земле! Туфля в крови!
Лживое сердце не знает любви!

Принц даже побледнел, увидев столько крови. Великий герцог — худощавый, похожий на волка человек — пришел в ярость, увидев, как обманули его господина. Он потребовал, чтобы Маман вернула туфельку, но та отказалась. И заявила, что Изабель тоже имеет право на примерку, ведь принц объявил в своем указе, что примерить хрустальную туфельку может каждая незамужняя девушка королевства.

— Готова? — шепнула Изабель мать, когда они подошли к вестибюлю.

Изабель кивнула и сделала шаг навстречу принцу. Она видела его на балу, но лишь издали, а сегодня, едва он подъехал к дому, Маман поспешно спровадила Изабель на кухню.

Теперь, когда их разделяли всего несколько локтей, она разглядела, что глаза у него голубые, как небо в летний погожий день, а в светлых волосах — длинных, свободно спадавших ему на плечи — вспыхивали золотистые прядки. Он был высок ростом и широк в плечах. На щеках играл румянец.

Глядя на него, Изабель забыла про свои пальцы, про боль в ноге, даже свое имя и то забыла. Просто стояла и смотрела на него как громом пораженная. Так он был красив.

Принц тоже не говорил ни слова. Он изучал Изабель молча, измеряя взглядом каждую плоскость и каждый изгиб ее лица.

— Ах, вы видите? Он узнал ту, в которую влюблен с первого взгляда! — промурлыкала Маман.

Изабель даже съежилась, так ее кольнула материнская ложь. На том балу все были в масках, прикрывавших верхнюю половину лица. Она прекрасно понимала, чем был занят принц: изучал рисунок губ, линию щек и подбородка, ища в них сходство с чертами той, которую полюбил.

И напрасно, ее здесь не было.

Глава 5

Изабель с принцем еще долго смотрели друг на друга. Обоим было неловко. Оба молчали. Пока не вмешалась Маман.

— Ваша светлость, — заговорила она и опустила в реверансе, потянув за руку дочь, чтобы и она сделала то же самое. — Моя младшая дочь — та, кого вы ищете. Хрустальная туфелька подходит ей идеально.

— Надеюсь, что вы совершенно уверены в этом, мадам, — предостерег великий герцог. — Вряд ли вторая попытка одурачить его высочество вызовет у него благосклонное отношение.

Маман склонила голову.

— Пожалуйста, простите Октавию, — сказала она принцу. — Она вовсе не обманщица. И виновата лишь в том, что любовь к вам вскружила ей голову. Да и какая девушка на ее месте испытывала бы иные чувства?

Принц залился краской, услышав ее слова. Однако герцог оставался спокоен.

— Вы позволите нам увидеть туфельку? — нетерпеливо попросил он.

Изабель и Маман выпрямились. Поднимая подол платья, Изабель почувствовала, как от страха желудок завязался у нее узлом. Все взгляды устремились на ее ногу. К ее огромному облегчению, крови не было. Чулок оставался белым как снег, а вата, которую Адели затолкала

в носок чулка, продолжала держать форму. Туфелька сверкала голубоватыми искрами.

— Подошла, — тусклым голосом сказал принц.

Великий герцог и солдаты склонились перед Изабель.

— Да здравствует принцесса! — крикнул какой-то капитан.

— Да здравствует принцесса! — подхватили остальные.

В воздух полетели шляпы. Раздались радостные крики. Изабель медленно поворачивалась вокруг себя, ошеломленная. В кои-то веки все восхищались ею, а не Эллой. В кои-то веки она могла стоять, гордо расправив плечи, и ощущать себя могущественной и желанной. Минуту назад она была недостаточно хороша даже для колченогого сынка директора школы, теперь же станет принцессой.

— Пора отправляться во дворец, мадемуазель, — деревянно улыбнулся ей принц. — Нужно подготовиться к свадьбе.

Он отвесил ей короткий поклон, развернулся и пошел к двери, и Изабель сразу заметила, как поникли его сильные плечи, как свет ушел из прекрасных глаз.

«Принц любит другую; он жаждет ее всей душой, — подумала она. — Если я доведу это дело до конца, то получу пленника, а не мужа».

От мысли о том, чего она якобы хотела, ей стало тошно. Так тошно ей было лишь раз в жизни, в детстве, когда Адели испекла целый противень крошечных печений с вишней и оставила их остывать, а Изабель прокралась на кухню и съела все до единого.

Она повернулась к матери, и слова «не бывать этому» уже были готовы сорваться с ее губ, когда она увидела, что мать улыбается. Маман смотрела на нее и сияла от счастья. Несколько драгоценных секунд Изабель наслаждалась теплом этой улыбки. Ведь она видела ее так редко.

— Я горжусь тобой, детка, — сказала Маман. — Ты спасла нас от полного разорения. Теперь я смогу продать этот унылый дом, заплатить все наши долги и забыть прошлую жизнь как страшный сон.

Все протесты Изабель замерли у нее в горле. Конечно, разбить сердце принцу — ужасная вещь, но разбить сердце матери — куда страшнее. Ни на миг она не задумалась о том, чего хочет ее собственное сердце, ибо желания девушки не имеют никакого значения.

Взяв Изабель за руку, Маман стала спускаться с ней по ступенькам каменного крыльца, от парадной двери дома к усыпанной гравием подъездной дорожке. Изабель увидела золоченую карету, запряженную восьмеркой лошадей. Принц и великий герцог, поглощенные беседой, стояли рядом с каретой и ждали ее.

Глубокие морщины прорезали лоб принца. Тревога затуманила взгляд. Как и все вокруг, Изабель знала, что отец принца, король, тяжело болен и что герцог из соседней страны, Фолькмар фон Брук, чуя скорую поживу, перешел северную границу королевства и жестоко разорял деревни и города.

Маман обняла Изабель, пообещав, что они с Тави последуют за ней во дворец, как только смогут. Изабель, словно во сне, пошла к экипажу, но во время спуска ей пришлось поставить раненую ногу на полную ступню. Где-то на середине лестницы открылось кровотечение. Что-то теплое и мокрое стало заполнять чулок. Когда она добралась до последней ступеньки, чулок насквозь пропитался кровью.

Над ее головой, в кроне большой липы, зашелестели листья.